

УДК 159.9

СКРЫТЫЙ ПОРЯДОК В МИРЕ ЧЕЛОВЕКА И РАССУЖДЕНИЯХ Л. И. АНЦЫФЕРОВОЙ О ПСИХИКЕ

© 2024 г. В. В. Знаков

ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

Доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник.

E-mail: znakov50@yandex.ru

Поступила 26.05.2024

Аннотация. Статья посвящена анализу понятия скрытого порядка и осмыслению научного вклада Л.И. Анцыферовой в раскрытие его содержания. Показано, что великие мыслители XX в. сначала применительно к физическому миру, а затем и к психике рассуждали о скрытых в настоящее время свойствах предметного мира, которые могут влиять на сущность изучаемых явлений. Подробно анализируется точка зрения Д. Бома, который был пионером в научном исследовании скрытого порядка. В. Гейзенберг считал, что понимание природы означает обнаружение скрытой в ней целесообразности, дополняющей каузальную детерминацию. По Гейзенбергу, в мире существуют нематериальные структуры, с которыми во время понимания соотносятся структуры человеческого разума. Показано, что понятие скрытого порядка является ключевым также в методологии социогуманитарного познания, “скрытое” и “имплицитное” являются предметом изучения в различных науках. Существенный вклад в развитие этих представлений внесли психологи. Проанализированы точки зрения М.А. Холодной о концептуальных структурах и Н.Е. Максимовой и И.О. Александрова о психологических структурах, являющихся психологическим основанием понимания субъектом скрытого порядка в мире человека. У истоков представлений психологов о скрытом порядке стоял С.Л. Рубинштейн. Его ученица Л.И. Анцыферова глубоко и содержательно анализировала скрытый порядок в публикациях, посвященных проблемам развития психики, ее детерминации, психологии субъекта, личности и мышления. Все исследования Л.И. Анцыферовой пронизывает оппозиция “явное—скрытое”, за видимой действительностью психического она всегда искала невидимое. Она неоднократно подчеркивала, что за видимым и привычным миром, за миром “здорового смысла”, человеку открывается мир скрытых отношений вещей.

Ключевые слова: скрытый порядок, явное, скрытое, Л.И. Анцыферова.

DOI: 10.31857/S0205959224050025

ПОНИМАНИЕ СКРЫТОГО ПОРЯДКА В ПРИРОДЕ И МИРЕ ЧЕЛОВЕКА

В работах крупнейших мыслителей XX в. есть интересные мысли, высказываемые, как правило, в гипотетическом виде, о поле скрытых от человека возможностей, связанных с невидимыми причинами. Д. Бом называет такое поле скрытым, подразумеваемым порядком [24].

Ссылаясь, в частности, на понятие М. Полани о невысказанном, неявном знании, Бом полагает, что скрытый порядок природы невозможно определить никаким явным способом, как нельзя вербально описать механизмы удержания равновесия при езде на велосипеде. Согласно точке зрения Д. Бома, разум и материя возникают из некой общей почвы и, возможно, несильно отличаются друг от друга.

Вероятно, они диалектически сплетаются воедино. А поскольку между собой разум и материя имеют общий скрытый порядок, то между ними можно установить рационально постижимые отношения. Он пишет: “На основании всего этого я бы, следовательно, предложил для будущего обсуждения понятие о том, что и разум, и материя находятся, в конечном итоге, в скрытых порядках, и что во всех случаях явные порядки проявляются как относительно автономные, отдельные и независимые объекты, сущность и формы, развертывающиеся из скрытых порядков. Это означает, что открывается путь для мировоззрения, в котором разум и материя могут быть последовательно связаны друг с другом безо всякой редукционистской позиции” [3].

Далее на основе кардинального заключения о том, что ментальное и материальное — это две

стороны одной реальности, он пишет: “Здесь мы скажем, что как разум, так и материя обладают реальностью, или, возможно, что они оба возникают из некоей более великой общей почвы или же, возможно, что они, на самом деле, несильно друг от друга отличаются. Возможно, они сплетаются воедино. Основная мысль, однако, вот в чем: поскольку между собой они имеют общий скрытый порядок, то между ними можно установить рационально постижимые отношения. Таким образом, мы можем оставить открытой возможность признания различий, которые могут быть найдены между ментальной и материальной сторонами, не впадая в дуализм” [Там же].

Эти рассуждения основываются на аргументированном убеждении о существовании непознанного пока наукой уровня действительности, характеризующейся «дополнительным набором переменных, описывающих состояния новых видов сущностей, существующих на более глубоком, субквантово-механическом уровне и подчиняющихся качественно новым типам индивидуальных законов. Такие сущности и их законы тогда составили бы новую сторону природы, сторону, которая в настоящее время является “скрытой”» [24, р. 87].

Речь идет о дополнительных скрытых в настоящее время свойствах предметного мира, которые могут влиять на сущность изучаемых явлений. Для психологов очень значимы суждения Д. Бома о неразрывной взаимосвязи материи и разума: “Мы видим, таким образом, что каждый момент сознания имеет определенное *явное* содержание, которое является передним планом, и *имплицитное* содержание, которое является соответствующим фоном. Теперь мы предполагаем, что не только непосредственный опыт лучше всего понимать в терминах имплицитного порядка, но и мысль, по сути, должна пониматься в этом же порядке. Здесь мы имеем в виду не только *содержание* мысли, для которого мы уже начали использовать имплицитный порядок. Скорее, мы также имеем в виду, что действительная структура, функция и *активность* мысли находятся в имплицитном порядке. Таким образом, различие между имплицитным и эксплицитным в мышлении рассматривается здесь как по существу эквивалентное различию между имплицитным и эксплицитным в материи вообще” [там же, с. 259].

И наконец итоговый, обобщающий вывод: “Таким образом, мы вынуждены предположить далее, что более всеобъемлющая, глубокая и более внутренняя реальность — это не разум и не тело, а, скорее, реальность еще более высокого измерения, которая является их общей основой и которая имеет

природу, превосходящую их обоих. В таком случае каждое из них представляет собой лишь относительно независимую субтотальность, и подразумевается, что эта относительная независимость проистекает из основы более высокого измерения, в которой разум и тело в конечном итоге являются едиными (скорее мы обнаруживаем, что относительная независимость проявленного порядка вытекает из основания имплицитного порядка)” [Там же, с. 265].

Рассуждения Д. Бома оригинальны, но не уникальны, подобное можно найти в работах других выдающихся ученых.

У. Джеймс и Б. Рассел полагали, что физика и психология не различаются по материалу, из которого состоит их предмет изучения. Аналогичной точки зрения придерживались представители семантической концепции: “Эта семантическая концепция была затем развита и широко использована Дьюи и Мэдом. Их основной тезис по этому вопросу заключается в том, что вещи и мысли или образы сотканы из одного и того же материала (*Stuff*), различие между ними — только функциональное и сводится к роли, которую они выполняют...” [17, с. 24].

В. Гейзенберг считал, что понимание природы означает обнаружение скрытой в ней целесообразности, дополняющей каузальную детерминацию. По Гейзенбергу, в мире существуют нематериальные структуры, с которыми во время понимания соотносятся структуры человеческого разума. При понимании физических явлений “перед нашим умственным взором вырисовывается структура, которая и без нас всегда уже существовала и которая совершенно явно не человеческих рук дело” [6, с. 223].

Анализ только причин недостаточен для понимания мира, об этом свидетельствует, в частности, сравнительное изучение понимания природы В. Розановым и В. Гейзенбергом. Для них понимание заключалось в поиске упорядочивающего мир начала, проявлениями которого являются дополняющие друг друга две формы потенциальности — причинность и целесообразность [10].

По свидетельству В. Гейзенберга, с идеей существования упорядочивающего начала мира, в котором каузальное и финалистское описания природы находятся в отношении дополнительности друг к другу, соглашался и Н. Бор [6, с. 216].

В.И. Вернадский, развивая революционное учение о ноосфере, писал (но не успел дописать) книгу “Научная мысль как планетное явление” [5]. В ней он говорил о научной мысли как новой

геологической силе, резко увеличивающей влияние живого вещества в эволюции биосферы. Согласно его точке зрения, “мысль являет себя как действующая природная сила; она не только продукт эволюции, она есть сама эволюция, продолженная в иной форме. Это значит, что современное состояние природы определено состоянием разума” [8, с. 107]. По Вернадскому, основной геологической силой, создающей ноосферу, является рост научного знания. Человек и биосфера неразрывно связаны и влияют друг на друга, образуя ноосферу. Таким образом, ноосфера — это еще один пример скрытого порядка в природе и мире человека.

Для психолога принципиально важной является позиция С.Л. Рубинштейна, высказывавшего суждение о скрытости многих психических явлений, аналогичное точкам зрения выдающихся ученых, приведенным выше. Анализируя проблемы отражения и детерминации психики, он вводит понятие “внутренней природы вещей и явлений”, взаимодействующей с внешними воздействиями: «“Отражение”, взаимодействие, при котором одни явления обоими воздействиями представлены или отражены в других, — это некоторый аналог психического отражения. Это не означает, само собой разумеется, что в самом фундаменте материи имеется сознание, психика, но это означает, что в материальном мире имеются черты, по крайней мере формально сходные с ними, некоторые исходные предпосылки для их развития. Сознание как отражение не вовсе чужеродно и “одинокое” в мире; оно не привнесено извне; в самом фундаменте материи есть свойства, аналогичные ему, предпосылки для его естественного и закономерного развития» [19, с. 12].

Изучая мышление, С.Л. Рубинштейн всегда был нацелен на анализ не только видимого, очевидного, но и неявного, скрытого в психике: «Мы стремимся повсюду исходить из объективно контролируемых “внешних” фактов, но видим задачу психологического исследования в том, чтобы вскрыть и внутренние условия и закономерности того скрытого, непосредственно не выступающего процесса, который к ним приводит» [18, с. 25–26]. В частности, проблемная ситуация, по Рубинштейну, имплицитно содержит звенья или элементы, которые в ней не определены и потому предполагают что-то нераскрытое. Переход решения задачи из внешнего плана действия во внутренний умственный план всегда, по существу, означает осознание неявного знания, выявление ранее скрытого. В этом контексте закономерно, что ученый дает такое определение: “Мышление в подлинном смысле

слова — это проникновение в новые слои сущего, взрывание и поднимание на белый свет чего-то, до того скрытого в неведомых глубинах; постановка и разрешение проблем бытия и жизни; поиски и нахождение ответа на вопрос: как оно есть в действительности — нужного для того, чтобы знать, как верно жить, что делать” [Там же, с. 110].

В психологии существование упоминаемых В. Гейзенбергом и другими учеными нематериальных структур, с которыми во время понимания мира соотносятся структуры человеческого разума, отражается, в частности, в понятиях “концептуальных структур” [23] и “психологических структур” — индивидуального и надиндивидуального знания [13].

Психологическим основанием понятийного мышления человека являются концептуальные структуры [23]. Эти нематериальные ментальные структуры определяют особенности понимания мира человеком. М.А. Холодная опирается на структурно-интегративную методологию, основные положения которой позволяют изучать психические феномены в качестве психических структур. Согласно этому теоретическому подходу, психические явления обладают структурой, состоящей из отдельных частей (элементов), находящихся в определенных соотношениях между собой. «Концептуальная структура (концепт) — это ментальная структура “внутри” индивидуального ментального опыта, референтная определенным знакам (прежде всего знакам естественного языка) и выступающая в качестве психического носителя понятия (его “операнда”)» [Там же, с. 60]. В концепте отражается многомерность мира человека, отнесенность его составляющих к разным реальностям. М.А. Холодная, ссылаясь на Т.А. Карпинец, так описывает многослойность знания, представленного в концепте: «Отмечается, что концепт — это многомерное (многослойное) образование. Так, в концепте “метель” (на материале анализа одноименной повести А.С. Пушкина) представлены следующие “слои” знаний: физический (сильный ветер со снегом); эмоциональный (сильное душевное потрясение); социальный (революционные события); онтологический (фундаментальные принципы бытия — судьба, смерть); мифологический (элементы архетипического или архаического опыта людей, в частности, идея хаоса — порядка)» [Там же, с. 58–59].

Современные исследования психологических структур осуществляются в парадигме системно-эволюционного подхода: “С позиции этого подхода результаты взаимодействия субъекта с миром фиксируются как целостные образования (функ-

циональные системы поведенческих актов) в структуре индивидуального знания (опыта). Структуру знания можно описать как множество компонентов, представляющих совершившиеся взаимодействия субъекта с миром, и взаимоотношения между этими компонентами” [13, с. 11]. В этом контексте одним из основных вопросов является проблема существования протоформы психологических структур, которые формируются при включении человека в новые предметные области. При этом предполагается, что компоненты структур индивидуальных знаний имеют прототипы в мозговой активности, представленной множеством преспециализированных нейронов (предшественников специализированных). При анализе дескрипторов структур индивидуальных знаний показано, что существуют два подмножества: одно описывает семантическую ассоциативную сеть, характеризующую структуру через одновременную актуализацию множества компонентов структуры знания, а другое — семантическую пропозициональную каузальную сеть, представляющую логическую преемственность последовательных состояний индивидуального знания. Принципиально важной особенностью таких структур является то, что в основе их формирования во время психологического исследования лежит метод реконструкции. Метод позволяет выявлять реконструируемые характеристики психологической структуры, которые до его применения являются латентными, скрытыми; в результате его применения они становятся явными, очевидными для исследователя переменными. Реконструкция дает возможность психологу перейти от феноменологии видимого, очевидного к описанию латентных, скрытых составляющих предмета исследования, представленному как система верифицируемых гипотез [Там же, с. 94].

Наряду с индивидуальным знанием Н.Е. Максимова и И.О. Александров развивают представления о надындивидуальных психологических структурах. В них фиксируются компоненты целостных взаимодействий — предметная отнесенность, межиндивидуальные отношения, индивидуальные характеристики партнеров. В совместной деятельности структуры знаний, сформированные у партнеров в процессе межиндивидуальных взаимодействий, оказываются более сходными, чем у невзаимодействующих субъектов. В число факторов, определяющих сходство, входят индивидуальные семантики предметной области, степень конкурентности отношений, индивидуально-психологические характеристики партнеров (гендерная принадлежность, эмоционально-экспрессивные проявления, невербальные составляющие

поведения). “Перечисленные факторы могут быть соотнесены с атрибутами информационных моделей взаимодействия индивидов с предметной областью, ее объектными и социальными составляющими. Поскольку эти факторы являются общими для всех членов сообщества, носителей правил и норм предметной области, как и совокупность информационных моделей, сформированных при взаимодействии с предметной областью, при приобретении компетенции, ею предписанной, то множество этих совокупностей, распределенное на членах сообщества, может быть рассмотрено как *надындивидуальная структура знания*” [Там же, с. 168].

СКРЫТОЕ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ

Скрытое является предметом исследования для ученых самых разных специальностей.

В современном образовании заметную роль играет понятие “скрытой программы” [16]. Оно используется для интерпретации процесса культурного воспроизводства и отражения тех аспектов поведения, которые характеризуют неформальный уровень обучения [2]. Скрытая программа — это семиотическое структурирующее отношение, которое рассматривается как регулятивный принцип отбора и интеграции образовательных смыслов, а также форм их реализации. Она указывает на существование в любом учебном заведении латентных принципов, норм поведения, неявных знаний. Это тот фон, на котором происходит обучение по явно заданным учебным планам. Осознание педагогами скрытой программы способствует осознанию ими негативных для развития учащегося обстоятельств. Например, скрытая власть учителя имеет антиразвивающий характер, поскольку ученик подчиняется ей против своей воли, интересов, возможностей самореализации. Вследствие этого понимание наличия скрытой программы помогает выявлять непроизвольные, непредвиденные эффекты действий педагогов и гуманитарной направленности учебного заведения. Вопрос о том, почему школа учит не тому, что провозглашает, является одним из основных, на которые ученые пытаются получить ответ в своих исследованиях. В частности, анализ “советских школьных учебников, апеллирующих к представлениям о труде, обнаружил, что в них содержится повышенная оценка физического труда и пониженная — умственного, акцентирование общественной полезности производственной деятельности и принижение значимости предпринимательской вкупе с мотивацией получения

прибыли и заработка. Скрытое действие содержания учебников в исследовании трактуется как *информационный протекционизм*, predisposing учеников к определенному трудовому поведению. Отмечается, что информационный протекционизм, характерный для советских учебных пособий, с небольшими модификациями сохраняется и в учебниках средней школы современной России” [16]. Следовательно, это уже проявление скрытого культурного программирования, а не то, что традиционно описывалось в терминах педагогической запущенности учащихся или профессиональной некомпетентности учителей. В другом исследовании показана связь между социальным классом учеников, типом образования, которое они получают в школе, и типом работы. Вывод исследователя: “детей в бедных школах готовили стать послушными работниками, а детей в элитных школах готовили стать оригинальными мыслителями и лидерами” [25, р. 87].

Таким образом, в образовании скрытый порядок организации учебного процесса, неявное знание, неосознаваемые и невербализуемые мотивы поведения учеников находятся в фокусе внимания преподавателей и исследователей.

В лингвистике традиционной и фундаментальной проблемой является соотношение языка и картины мира, его понимания говорящим субъектом. Языковые образы действительности неизбежно включают в себя скрытые, имплицитные элементы. Любой реальный текст характеризуется смысловыми пропусками того, что уже известно реципиенту. “Смысловые лакуны”, “смысловые скважины” являются непрямым условием, стимулом порождения смыслов при понимании текста. Пропуск части информации во внешней форме текста и ее потенциальное присутствие во внутренней, глубинной структуре запускают механизмы как восстановления, реконструкции, так и порождения новых смыслов при понимании сообщения: “Таким образом, мы приходим к толкованию имплицитности в тексте как толчка, запускающего процессы продуктивной мыслительной деятельности, результатом которой может стать порождение нового знания или в дополнение к нему и личностных смыслов реципиентов” [15, с. 224]. При этом следует иметь в виду, что глубинные ядерные структуры языка “являются изначально заложенными в сознании человека элементами, иными словами, глубинные структуры представляют собой языковую компетенцию” [7, с. 9].

В психологии ученые все время имеют дело не только с явным действительным в психике человека, но и с неявным возможным, невыразимым,

латентным и т.п. В наиболее общем виде проблема формулируется как соотношение имплицитного и эксплицитного в психике [12; 20]. Психологи исследуют понимание людьми невидимой угрозы при травматическом стрессе или опасном для жизни заболевании [4], неявные опасности как компоненты больших систем [11], латентные психосемантические факторы многомерного сознания [14], латентные социальные группы [21], невыразимый опыт как психологическое основание понимания невозможного, непостижимого и немислимого [9]. Все эти проблемы объединяет то, что при исследовании психологи вынуждены иметь дело не столько с действительным, сколько с потенциальным, возможным. Неудивительно, что лежащим в их основании психологическим механизмом являются два основных вида возможностного мышления — обращенного в прошлое ретроспективного контрфактического и направленного в будущее проспективного прогностического. Применение возможностного мышления к анализу описанных выше феноменов представляется очень важным и перспективным.

СКРЫТОЕ И ИМПЛИЦИТНОЕ В РАССУЖДЕНИЯХ Л.И. АНЦЫФЕРОВОЙ О ПСИХИКЕ

В психологии понятия “скрытое” и “имплицитное” играют существенную роль. В Большом психологическом словаре скрытое (влечения, следы аффекта, мускульные движения и т.п.) упоминается более 80 раз, имплицитное (содержание, память, теория личности и т.п.) — около 20 [2]. Неудивительно, что ученица С.Л. Рубинштейна Л.И. Анцыферова придавала этим проблемам большое значение. Несмотря на гуманитарную направленность своих интересов, она понимала мир так же, как выдающиеся физики и химики (Н. Бор, Э. Шредингер, И. Пригожин и др.): по ее мнению, в мире человека наряду с явным и закономерным неизбежно проявляется непредвиденное, неожиданное, невероятное, нередко таинственное. Например, при изучении психологии человека с применением опросников необходимо учитывать неизбежную многозначность ответов респондентов. Только целостная структура имплицитных ответов, а не один зафиксированный ответ характеризуют человека как личность. Личность можно понять, только если “рассматривать жизнь и ее события в разных системах координат; выявлять латентные возможности жизненных ситуаций; воспринимать неожиданность, неопределенность, многозначность

обстоятельств жизни как стимул для своего развития и т.п.” [1, с. 271].

Все исследования Л.И. Анцыферовой пронизывает оппозиция “явное—скрытое”, за видимой действительностью психического она всегда искала невидимое: «За видимым и привычным миром, за миром “здорового смысла” индивиду открывается мир скрытых отношений вещей. Человек выходит далеко за узкие границы своего индивидуального существования, психологически и социально он начинает становиться универсальным существом. Важно, что новая позиция образует основу формирования особых многообразных психологических свойств человека: устремленность к поиску закономерностей, скрытых за видимостью вещей, индивидуальный стиль учебной деятельности, способность быстро и многократно на протяжении всего нескольких часов переключаться с одной системы знаний на другую, позицию глубокого уважения к авторитетам особого рода — к творцам непреходящих духовных и материальных ценностей человечества» [Там же, с. 328].

Понятие “становление человека универсальным существом” основано на интеграции бытия и сознания, формировании таких психологических структур, которые не только укоренены в материальном мире, но и сами преобразуют его. В этом Л.И. Анцыферова исходит из идей своего учителя: “Эта концепция принадлежит С.Л. Рубинштейну. По его мнению, с появлением человека на новый уровень развития поднимаются все нижележащие уровни бытия. В их структуре начинают проявляться совершенно новые свойства, которые потенциально содержались в природных объектах, но проявились лишь с пришествием человека. Таковы красота гор и водопадов, грациозность определенных животных и т.д. Эта концепция развивает идеи, высказываемые в первой трети нашего века некоторыми философами и психологами. Так, Дж. Мид, касаясь связи животного и растительного мира, показал, что с появлением животных в растениях выявились совершенно новые качества: съедобность, ядовитость, целебность и т.д. Эти идеи были развиты и обобщены С.Л. Рубинштейном в его положении о том, что с появлением каждого нового уровня бытия в новом качестве выступают свойства всех предшествующих уровней. Заключение С.Л. Рубинштейна о такой связи человека и природы, о наличии природного начала в человеке не преуменьшает, но, наоборот, подчеркивает ответственность человека за такое выстраивание своей жизни, которое бы наиболее полно и глубоко выявляло новые свойства не только предшествующих уровней, но и качества, потенциально

присущие своему уровню бытия, нравственность, духовность взаимоотношений людей, их постоянное развитие” [Там же, с. 253].

Становление человека универсальным существом как процесс и результат формирования у него психологических структур, связывающих его с миром, глубоко и содержательно развивается практически во всех работах ученого. Эта линия последовательно развивается в публикациях, посвященных проблемам развития психики, ее детерминации, психологии субъекта, личности и мышления. Становление, процессуальность психического развития человека — феномены, непротиворечиво описываемые в развиваемом Л.И. Анцыферовой динамическом подходе к исследованию личности.

Говоря о критических и сенситивных периодах в деятельности, она подчеркивала, что критическим является переход от скрытого подготовительного этапа деятельности к началу реальных преобразований. Скрытый этап деятельности характеризуется переживанием влечения, за которым следует особая пристрастность восприятия окружающей действительности. «Организация субдоминантных форм деятельности до сих пор не исследована, но наблюдения показывают, что она своеобразна, отличается разорванностью, несвязностью. Лишь отдельные ее компоненты “всплывают” в сознании, вклиниваются, как нечто инородное, в процесс доминирующей деятельности. Переживаясь иногда как досадные помехи, уход мысли в сторону, отвлечение внимания, такие феномены в действительности обозначают обогащение неявных деятельностей актуально протекающей. Ее результаты как бы опускаются в пласт субдоминантных действий, связываются с совсем иными психологическими системами личности. Этот выход из психологического пространства деятельности, направленной на сознательно поставленную цель, переживается как потеря мысли, которую часто так и не удается вспомнить. Но впоследствии оказывается, что она воспроизводится как очень уместная и удачная при совершенно ином занятии. В то же время вклинивание латентных пластов в актуальное занятие обогащает его, придает ему творческий характер» [Там же, с. 48].

Оппозиция “явное—скрытое” отчетливо прослеживается в исследованиях мышления. В частности, упоминая об интуиции, Л.И. Анцыферова говорит о том, что “современные исследования интуиции, имплицитных теорий окружающего показывают, какую важную роль играют неосознаваемые процессы в выстраивании человеком всей своей жизни” [Там же, с. 93]. То же относится к психологическому

анализу проблемных ситуаций: “Опираясь на работы Лайоша Секея, Анцыферова отмечает, что изменение *значения проблемной ситуации* происходит благодаря тому, что ранее скрытые, *латентные свойства*, являясь фоновыми, выступают на первый план благодаря активным действиям в проблемной ситуации самого субъекта, который использует приемы анализа и синтеза” [22, с. 7].

Особенно часто высокую значимость скрытого, нерационального, бессознательного Л.И. Анцыферова подчеркивает тогда, когда обращается к психологическому анализу “вершинных образований целостной личности”. Одним из них является феномен мудрости. Центральным звеном мудрости оказывается способность к постижению. Постигание нужно там, где человек не может основываться на логически обоснованном знании и где недостаточно интегрированного жизненного опыта, а нужно предугадывание, интуитивное чувствование и т.п. Важно понимать, что часто постижение — не осознанный субъектом выбор или даже произвол, а единственный способ жизни в неопределенном мире. Это тот контекст, в котором, по мнению Л.И. Анцыферовой, психолог должен изучать феномен мудрости: “Постановка проблемы постижения, интуитивного чувствования человеком архитектуры своего внутреннего смыслового мира, переживаемого как истинно присущего ему, означает переход от чисто когнитивного понимания мудрости к личностно ориентированному. Мудрость предполагает поиск и нахождение субъектом своего призвания, своего истинного Я” [1, с. 403]. Подлинными субъектами жизни являются люди, которые могут постигать себя и внутренний мир окружающих их людей. Для таких людей “мудрость — не только знание, но и субъективное отношение к ним, наполненное переживаниями, страстями, чувствами и эмоциями” [Там же, с. 417].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современной науке, в том числе в психологии, знания о мире человека порождаются в условиях принятия учеными гносеологических установок неклассической рациональности. Они характеризуются отказом от прямолинейного онтологизма и пониманием относительной истинности теорий и картины мира, выработанной на том или ином этапе развития науки. Не менее значимыми признаками научного познания являются изменявшиеся в XX в. научные представления о детерминизме. Непознаваемые причины многих событий и ситуаций в мире человека стали рассматриваться

не как случайные, а как закономерные. Безусловно, они повлияли на формирование новых взглядов в психологической науке. Изменившаяся методологическая ситуация способствует появлению новых понятий, одним из которых стал “скрытый порядок”. Как показано выше, развитие представлений о скрытом порядке осуществили выдающиеся ученые, занимавшиеся проблемами из самых разных областей научного познания и чутко реагирующие на изменения методологической ситуации в науке. Психологи не могут не испытывать чувства гордости оттого, что существенный вклад в развитие современных идей о скрытом порядке внесли С.Л. Рубинштейн и его ученица Л.И. Анцыферова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анцыферова Л.И. Развитие личности и проблемы гештальтпсихологии. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2006. 512 с.
2. Большой психологический словарь / Под ред. Б. Мещерякова, В. Зинченко. СПб.: Прайм-Еврознак; М.: Олма-Пресс, 2003. 666 с.
3. Бом Д. Развертывающееся значение. Три дня диалогов с Дэвидом Бомом. М., 1992. URL: https://vladvostok.com/speaking_in_tongues/bohmb/bohmb.htm (дата обращения: 30.06.2024).
4. Быховец Ю.В. К вопросу о концептуализации понятия “переживание невидимой угрозы” // Человек, субъект, личность: перспективы психологических исследований: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А.В. Брушлинского и 300-летию основания Российской академии наук, 12–14 октября 2023 г., Москва / Отв. ред. Д.В. Ушаков, А.Л. Журавлев, Н.Е. Харламенкова, А.В. Махнач, Г.А. Виленская, Н.Н. Казымова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2023. С. 160–164.
5. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 519 с.
6. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. М.: Наука, 1990. 399 с.
7. Григорьева И.В. Аспекты теории глубинных структур в работах Н. Хомского // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 4. С. 9–14.
8. Гутнер Г.В. Ноосфера // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2001. Т. 3. С. 107–108.
9. Знаков В.В. Невыразимый экзистенциальный опыт — психологическое основание понимания немислимого // Теоретическая и экспериментальная психология. 2022. Т. 15. № 1. С. 5–23.

10. Золотарев А.В. Василий Розанов и Вернер Гейзенберг о понимании природы // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Философские науки. 2020. № 4. С. 46–54.
11. Кимберг А.Н., Улько Е.В. Большие системы и неясные опасности: проблема посредников // Психология безопасности и психологическая безопасность: проблемы взаимодействия теоретиков и практиков: Материалы X Всероссийской научной конференции, г. Сочи, 9–10 октября 2020 г. / Под ред. Ю.Э. Макаревой, З.И. Рябикиной, Т.Д. Дубовицкой, И.Г. Макаревой, А.В. Шашкова, Л.В. Кравченко, Л.А. Базалевой, С.В. Воронина. М.: Мир науки, 2020. С. 49–57.
12. Лобанов А.П., Певнева А.Н. ИмPLICITный и эксплицитный подходы к исследованию когнитивных стилей // Вопросы психологии. 2023. № 4. С. 75–85.
13. Максимова Н.Е., Александров И.О. Психологические структуры: системно-эволюционная парадигма. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2023. 440 с.
14. Петренко В.Ф. Многомерное сознание: Психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф, 2010. 437 с.
15. Пешкова Н.П. ИмPLICITность в тексте: препятствие vs. стимул и условие понимания // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 219–231.
16. Полонников А.А. “Скрытая программа” как предмет образовательных исследований и практик // Научно-культурологический журнал. 2011. № 6. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2875&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 30.06.2024).
17. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание: О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. 328 с.
18. Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. 147 с.
19. Рубинштейн С.Л. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира // Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. М.: Изд-во АПН СССР, 1959. С. 7–22.
20. Токарева Г.В., Дорфман Л.Я. ИмPLICITные процессы и их исследование в западной психологии // Вестник ЮУрГУ. Сер. Психология. 2014. Т. 7. № 1. С. 17–27.
21. Толочек В.А. Латентные социальные группы как феномен // Теоретическая и экспериментальная психология. 2022. Т. 15. № 4. С. 5–19.
22. Харламенкова Н.Е. Жизнь и научная деятельность Л.И. Анцыферовой: поиск и открытие неявного знания в явном (к юбилею учителя) // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 6. С. 5–17.
23. Холодная М.А. Психология понятийного мышления: От концептуальных структур к понятийным способностям. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2012. 288 с.
24. Bohm D. Wholeness and the implicate order. London: Routledge, 1980. 284 p.
25. Kentli F.D. Comparison of hidden curriculum theories // European Journal of Educational Studies. 2009. № 1 (2). P. 83–88.

HIDDEN ORDER IN THE HUMAN WORLD AND REASONINGS L. I. ANTSEYFEROVA ABOUT THE PSYCHE

V. V. Znakov

*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldg. 1, Russia.
ScD (Psychology), Professor, Chief Researcher.
E-mail: znakov50@yandex.ru*

Received 26.05.2024

Abstract. The article is devoted to the analysis of the concept of hidden order and the comprehension of L.I. Antseyferova’s scientific contribution to the disclosure of its content. It is shown that the great thinkers of the twentieth century, first in relation to the physical world and then to the psyche, talked about the currently hidden properties of the objective world that can influence the essence of the phenomena under study. The point of view of D. Bohm, who was the pioneer in the scientific study of hidden order, is analyzed in detail. W. Heisenberg believed that understanding nature means discovering the purposefulness hidden within it, supplementing causal determination. According to Heisenberg, there are intangible structures in the world to which human mind structures are correlated during comprehension. It is shown that the concept of hidden order is

also crucial in the methodology of socio-humanitarian knowledge; “hidden” and “implicit” are the subjects of study in various sciences. Psychologists have made a significant contribution to the development of these ideas. The points of view of M.A. Kholodnaya on conceptual structures and N.E. Maksimova and I.O. Aleksandrov on psychological structures, which are the psychological basis for understanding the subject of the hidden order in the human world, are analyzed. S.L. Rubinstein stood at the origin of psychologists’ ideas about hidden order. His student L.I. Antsyferova has deeply and meaningfully analyzed the hidden order in publications devoted to the problems of psyche development, its determination, psychology of subject, personality and thinking. All of L.I. Antsyferova’s research is permeated with the opposition “explicit-hidden”; behind the visible reality of the psyche, she was always looked for the invisible. She repeatedly emphasized that behind the visible and familiar world, behind the world of “common sense”, a world of hidden relationships of things opens up to man.

Keywords: hidden order, explicit, hidden, L.I. Antsyferova.

REFERENCES

1. *Antsyferova L.I.* Razvitie lichnosti i problemy gerontopsikhologii. Moscow: Publ. “Institut psikhologii RAN”, 2006. 512 p. (In Russian)
2. Bol’shoi psikhologicheskii slovar’. B. Meshcheryakov, V. Zinchenko (Eds). St. Petersburg: Praim-Evroznak; Moscow: Olma-Press, 2003. 666 p. (In Russian)
3. *Bohm D.* Razvertyvayushcheesya znachenie. Tri dnya dialogov s Devidom Bomom. Moscow, 1992. URL: https://vladivostok.com/speaking_in_tongues/bohm/bohm.htm (date of access: 30.06.2024). (In Russian)
4. *Bykhovets Yu.V.* K voprosu o kontseptualizatsii ponyatiya “perezzhivanie nevidimoi ugrozy”. Chelovek, sub”ekt, lichnost’: perspektivy psikhologicheskikh issledovaniy: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 90-letiyu so dnya rozhdeniya A.V. Brushlinskogo i 300-letiyu osnovaniya Rossiiskoi akademii nauk. Eds. D.V. Ushakov, A.L. Zhuravlev, N.E. Kharlamenkova, A.V. Makhnach, G.A. Vilenskaya, N.N. Kazymova. Moscow: Publ. “Institut psikhologii RAN”, 2023. P. 160–164. (In Russian)
5. *Vernadskii V.I.* Filosofskie mysli naturalista. Moscow: Nauka, 1988. 519 p. (In Russian)
6. *Geizenberg V.* Fizika i filosofiya. Chast’ i tseloe. Moscow: Nauka, 1990. 399 p. (In Russian)
7. *Grigor’eva I.V.* Aspekty teorii glubinykh struktur v rabotakh N. Khomskogo. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Lingvistika i mezhkul’turnaya kommunikatsiya. 2018. № 4. P. 9–14. (In Russian)
8. *Gutner G.V.* Noosfera. Novaya filosofskaya entsiklopediya. V. 3. Moscow: Mysl’, 2001. P. 107–108. (In Russian)
9. *Znakov V.V.* Nevyrazimy ekzistentsial’nyi opyt — psikhologicheskoe osnovanie ponimaniya nemyslimogo. Teoreticheskaya i eksperimental’naya psikhologiya. 2022. V. 15. № 1. P. 5–23. (In Russian)
10. *Zolotarev A.V.* Vasilii Rozanov i Verner Geizenberg o ponimani prirody. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. Filosofskie nauki. 2020. № 4. P. 46–54. (In Russian)
11. *Kimberg A.N., Ul’ko E.V.* Bol’shie sistemy i neyavnye opasnosti: problema posrednikov. Psikhologiya bezopasnosti i psikhologicheskaya bezopasnost’: problemy vzaimodeistviya teoretikov i praktikov: Materialy X Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. Eds. Yu.E. Makarevskaya, Z.I. Ryabikina, T.D. Dubovitskaya, I.G. Makarevskaya, A.V. Shashkov, L.V. Kravchenko, L.A. Bazaleva, S.V. Voronin. Moscow: Mir nauki, 2020. P. 49–57. (In Russian)
12. *Lobanov A.P., Pevneva A.N.* Implitsitnyi i eksplitsitnyi podkhody k issledovaniyu kognitivnykh stilei. Voprosy psikhologii. 2023. № 4. P. 75–85. (In Russian)
13. *Maksimova N.E., Aleksandrov I.O.* Psikhologicheskie struktury: sistemno-evolyutsionnaya paradigma. Moscow: Publ. “Institut psikhologii RAN”, 2023. 440 p. (In Russian)
14. *Petrenko V.F.* Mnogomernoe soznanie: Psikhosemanticheskaya paradigma. Moscow: Novyi khronograf, 2010. 437 p. (In Russian)
15. *Peshkova N.P.* Implitsitnost’ v tekste: prepyatstvie vs. stimul i uslovie ponimaniya. Voprosy psikhologicheskoi nauki. 2009. № 9. P. 219–231. (In Russian)
16. *Polonnikov A.A.* “Skrytaya programma” kak predmet obrazovatel’nykh issledovaniy i praktik. Nauchno-kul’turologicheskii zhurnal. 2011. № 6. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2875&level1=main&level2=articles> (date of access: 30.06.2024). (In Russian)
17. *Rubinshtein S.L.* Bytie i soznanie: O meste psikhicheskogo vo vseobshchei vzaimosvyazi yavlenii material’nogo mira. Moscow: Publ. of Academy of sciences of USSR, 1957. 328 p. (In Russian)
18. *Rubinshtein S.L.* O myshlenii i putyakh ego issledovaniya. Moscow: Publ. of Academy of sciences USSR, 1958. 147 p. (In Russian)
19. *Rubinshtein S.L.* O meste psikhicheskogo vo vseobshchei vzaimosvyazi yavlenii material’nogo mira. In: Rubinshtein S.L. Printsipy i puti razvitiya psikhologii. Moscow: Publ. of Academy of pedagogical sciences USSR, 1959. P. 7–22. (In Russian)
20. *Tokareva G.V., Dorfman L. Ya.* Implitsitnye protsessy i ih issledovanie v zapadnoi psikhologii. Vestnik YuUrGU.

- Ser. Psikhologiya. 2014. V. 7. № 1. P. 17–27. (In Russian)
21. *Tolochek V.A.* Latentnye sotsial'nye gruppy kak fenomen. Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya. 2022. V. 15. № 4. P. 5–19. (In Russian)
22. *Kharlamenkova N.E.* Zhizn' i nauchnaya deyatel'nost' L.I. Antsyferovoi: poisk i otkrytie neyavnogo znaniya v yavnom (k yubileyu uchitelya). Psikhologicheskii zhurnal. 2014. V. 35. № 6. P. 5–17. (In Russian)
23. *Kholodnaya M.A.* Psikhologiya ponyatiinogo myshleniya: Ot kontseptual'nykh struktur k ponyatiinym sposobnostyam. Moscow: Publ. "Institut psikhologii RAN", 2012. 288 p. (In Russian)
24. *Bohm D.* Wholeness and the implicate order. London: Routledge, 1980. 284 p.
25. *Kentli F.D.* Comparison of hidden curriculum theories. European Journal of Educational Studies. 2009. № 1 (2). P. 83–88.